

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Факультет истории

Центр исторических исследований

Материалы Международного научного семинара
**«Исторические биографии
в контексте региональных и имперских границ
Северной Европы»**

Proceedings of International Research Seminar
**“Historical Biographies
in the context of Regional and Imperial borders
of Northern Europe”**

Санкт-Петербург

2013

УДК 93(07)
ББК Т3(0)442-8
С 29

Научный редактор — д. и. н. А. А. Селин

Источник финансирования — Фонд академического развития НИУ ВШЭ

С 29   **Материалы Международного** научного семинара «Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы» [Текст] / А.А. Селин ; Санкт-Петербургский филиал Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». — СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2013. — 144 с. — 300 экз. — ISBN 978–5–9905341–1–7 (в обл.).

УДК 93(07)
ББК Т3(0)442-8

ISBN 978–5–9905341–1–7

© Селин А.А.

© Оформление. НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2013

Оглавление

<i>Адриан Селин.</i> Обзор просопографических исследований 2000–2013 гг.	5
<i>Михаил Бенцианов, Алексей Лобин.</i> Списки пленных сражения под Оршей 1514 г. как источник по организации службы в Русском государстве первой половины XVI в.	13
<i>Олег Ноздрин.</i> Шотландцы Балтийского моря XV–XVII столетий: опыты биографических исследований	20
<i>Александр Корзинин.</i> Изучение персонального состава Царского двора эпохи Ивана Грозного в 1550-е — первой половине 1560-х гг.	23
<i>Владимир Успенский.</i> Государев двор во второй половине XVI в. как социальная сеть: предложение метода	27
<i>Наталья Рыбалко.</i> Дьяки и подьячие Смутного времени: опыт просопографического исследования	34
<i>Андрей Беляков.</i> Возможности метода просопографии при исследовании служилых татар в России XV–XVII вв.	38
<i>Максим Моисеев.</i> Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в.: Хосров-бек	43
<i>Андрес Адамсон.</i> «Зять» Грозного царя	48
<i>Александр Толстиков.</i> Судьба шведского королевича Густава в контексте истории Балтийского региона на рубеже XVI–XVII вв.	58
<i>Aleksandr Ivan Pereswetoff-Morath.</i> Straddling cultural and political borders in Swedish Ingria: the case of Benjamin Barohn (Bažen Ivanov)	64
<i>Зоя Дмитриева.</i> Персональный состав братии Кирилло-Белозерского монастыря в конце XVI — начале XVII в.	69
<i>Вадим Стецюк.</i> Участники религиозной полемики в Речи Посполитой XVI–XVII вв.: особенности просопографии восточноевропейских интеллектуалов раннего Нового времени	72
<i>Дарья Брусницына.</i> Просопографическая база данных как инструмент реконструкции судеб карельских пашенных солдат	78
<i>Kimmo Katajala.</i> Studying Noble and Gentry of Käkisalme province and Ingria during the Swedish period (17th century)	82
<i>Вероника Беляева.</i> Реконструкция семейных связей балахонских солепромышленников XVII в.	87

<i>Андрей Дедук.</i> «Список русских городов дальних и ближних» в научных биографиях Г. Ф. Миллера и А. Л. Шлецера	92
<i>Алексей Крайковский.</i> Биографический аспект трансфера европейских технологий морского промысла в Россию в XVIII в.	98
<i>Алла Майорова.</i> Петербургский период в биографии вольского именитого гражданина В. А. Злобина. (ок. 1789–1812 гг.)	106
<i>Эйнар Вяря (Einar Värä).</i> Финляндские торговые стряпчие в портах Российской империи в XIX в.	119
<i>Дмитрий Нечипорук.</i> Американские друзья русской свободы, 1890–1920-е гг.: просопографическое исследование	128
<i>Юлия Лайус.</i> Трансграничные взаимодействия в биографиях российских и скандинавских исследователей Арктики, 1900–1950-е гг.	133
<i>Павел Васильев.</i> Советская психиатрия: просопографическое исследование	138

Обзор просопографических исследований 2000–2013 гг.

Применение метода просопографии наиболее перспективно для эпох ярких и насыщенных историческими событиями и соответственно обеспеченных письменными источниками. Этим обусловлено то, что просопографические исследования концентрируются в области изучения поздней античности и раннего Нового времени.

В базе данных «Просопография Византийского мира» (англоязычная), в которой собраны (и продолжают собираться) известия о всех персоналиях, упомянутых в византийских текстах за период с 642 по 1261 гг. В этом же ключе следует рассматривать традицию просопографических исследований, сложившуюся в балканских странах — Сербии и, особенно, в Болгарии, где просопографический метод имеет длительную традицию и обширную библиографию¹. Российское антиковедение и византиноведение также оказывалось в круге этой историографии²; не случайно первые учебные пособия по просопографии на русском языке были написаны исследователями поздней античности и истории Византии³. Хорошая разработанность просопографии англо-саксонской знати также связана с тем, что сохранившийся источник конца XI в. — *Domesday Book* — дает обильную информацию по персональной истории последнего периода существования англо-саксонских королевств. Именно этому посвящена вторая крупнейшая открытая база данных «Просопография Англо-Саксонской Англии».

---

¹ *Божилев И.* Фамилията на Асеневици. Генеалогия и просопография (1186–1460). 2-е изд. София, 1994.

² Обзоры работ по византийской просопографии публиковались с 1960-х гг. Ср. напр.: *Каждан А. П.* Новые работы по византийской просопографии // Византийский временник. 1968. № 55. С. 254–259; *Байер Х.Ф.Г., Степаненко В.П.* Рец.: Энциклопедический просопографический лексикон византийской истории и цивилизации / Сост. А.Г.Саввидис. Том 1: Амр-Альфиос. Афины: Метрон/Иолкос, 1996. 276 с; // Известия Уральского ГУ. № 7. 1997. Гуманитарные науки. Вып. 1.

³ *Петрова М. С.* Просопография как специальная историческая дисциплина. На примере авторов поздней античности: Макробий Феодосий и Марциан Капелла. СПб., 2004; *Чекалова А. А.* Сенаторская знать ранней Византии (спекурс). М., 2000.

Вторым важнейшим источником для современного просопографического исследования общества Московской Руси является исследовательская традиция, заложенная в начале XX столетия Н. П. Лихачевым и С. Б. Веселовским. Созданные этими учеными справочники по дьякам и подьячим Московского государства, боярским родам XIV–XVI вв. никогда в историографии не именовались просопографическими, хотя по сути являлись такими.

С конца 1980-х г. достижения европейской историографии начинают проникать на Восток, в российскую науку. Термин «просопография», ранее употреблявшийся лишь историками античности и Византии, с этого времени достаточно прочно входит в употребление российскими учеными. Появляются серьезные работы, посвященные исследованию отдельных социальных групп московского общества, с использованием «просопографической» терминологии («коллективные портреты» и др.⁴).

Делаются и первые попытки осмыслить теоретическую базу просопографии (в первую очередь, в работах Ю. Юмашевой⁵) и подвести первые итоги. Заметное влияние на теоретические разработки в области метода оказала монография Л. Стоуна. Русский перевод его определения «просопографии» использовался (и используется) в значительном числе работ⁶. В известных мне работах, написанных на русском языке, как правило, цитируются именно эти слова Л. Стоуна (со ссылкой на с. 107 в его статье в *Historical Studies Today*); мне бы не хотелось, конечно, предполагать, что эта ссылка «гуляет» из статьи в книгу и т.д. Важно отметить, что предметом исследований Лоуренса Стоуна была английская знать раннего Нового времени; именно исследуя горизонтальные связи в английском обществе XVI–XIX вв. им были созданы классические работы по просопографии.

Хочется остановиться на нескольких работах, так или иначе отражающих важнейшие тенденции развития просопографических исследований в последние годы. Их обозрение и попытка поставить в общий контекст

---

⁴ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI веков. СПб., 2003. С. 232; Нечаева М. Ю. Просопография уральского монашества: перспективы исследования // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы Всероссийской конференции (Екатеринбург, 17–19 ноября 1994). Екатеринбург, 1995. С.172–176.

⁵ Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Известия Уральского государственного университета. № 39 (2005) Гуманитарные науки. Выпуск 10. С. 95–127.

⁶ Stone L. Prosopography // *Historical Studies Today* / Ed. by F. Gilbert and St. Graubard. N.Y., 1972. P. 107.

современных просопографических исследований наводит на некоторые размышления.

Н. В. Рыбалко пошла по пути просопографического исследования московской бюрократии Смутного времени. Свой метод она сформулировала как «воссоздание реального хода событий путем изучения биографий»⁷. Источниками для Н. В. Рыбалко послужили боярские списки, разрядные книги, а также некоторые десяти, в том числе новгородские. Персональный состав приказных служителей Смутного времени продолжает оставаться объектом пристального внимания исследовательницы. В своей работе 2007 г. она ставит вопрос о том, что очень сложно восстановить функционирование приказных изб в начале XVII в. Лишь «чудом уцелевшие документы» позволяют реконструировать систему управления. Возможно, следует поверить Н. В. Рыбалко, что таково положение с сохранностью архивов большинства городов Московского государства, но новгородские материалы такому наблюдению противоречат. Рассматривая новгородскую бюрократию в Смуту, исследовательница оценивает Новгородскую и Смоленскую приказные избы как две самых больших приказных городских изб. Это скорее отражает источниковедческую ситуацию: новгородский и смоленский архивы эпохи Смуты были вывезены (соответственно в Швецию и в Речь Посполитую) и лучше изучены, нежели архивы других крупных городов Смутного времени. Сформулированные в статьях 2006–2008 гг. мысли получили отражение в монографии Н. В. Рыбалко, посвященной исследованию московского приказного люда Смутного времени, в которой аккумулированы данные о дьяках и подьячих этого времени⁸.

В 2009 г. была опубликована книга Д. В. Лисейцева, в которой, несмотря на скромное заявленное название «Приказная система Московского государства в эпоху Смуты», ставится вопрос о генезисе московской приказной системы как таковой и предлагаются принципиально новые, оригинальные его решения. В полной мере это исследование можно назвать просопографическим. Именно этот метод позволил Д. В. Лисейцеву прийти к важнейшим общим выводам о происхождении московских приказов и показать, как эта система эволюционировала в годы Смуты. В исследовании Д. В. Лисейцева содержатся существенная критика работ Н. В. Рыбалко, которая, по мнению автора, пытается «обобщить необобщаемое» и в результате ее подсчетов получается парадоксальная численность московских приказов: при царе Борисе штат приказа Большого дворца (по Рыбалко),

---

⁷ Рыбалко Н. В. Приказная бюрократия времени царствования Василия Шуйского // Вестник Волгоградского ГУ. Сер. 4. История, философия. 2000. Вып. 5.

С. 21–39.

⁸ Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время. М., 2011.

составлял дворецкий, 6 дьяков и всего 3 подьячих, что, разумеется, невозможно⁹. Присоединяясь, в целом, к этой критике, подчеркну, что, с другой стороны, отказ Д. В. Лисейцева от идентификации собственно подьячих также представляется излишне ригористичным.

Книга А. В. Белякова, посвященная служилым Чингисидам была опубликована в 2011 г. в Рязани; книга получила одобрительные рецензии в Российской истории, как специалистов по татарам раннего Нового времени, так и других видных исследователей этой эпохи, в том числе — В. Д. Назарова. В книге, с привлечением огромного фактического материала, исследуются тысячи служебных карьер представителей Чингисидов, служивших Московскому дому. Возможно, книга А. В. Белякова не обладает идеальной структурой (на что обращали внимание многие рецензенты); однако ее прочтение дает самое исчерпывающее представление о выбранной А. В. Беляковым социальной группе.

В 2013 г. была опубликована книга А. Ю. Савосичева «Дьяки и подьячие эпохи Ивана Грозного: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования». Центральный вопрос монографии — о происхождении дьяков и подьячих XVI в., их связи с другими группами общества, в первую очередь — с дворянством. Этому вопросу были посвящены опубликованные в недавнем прошлом книги Д. В. Лисейцева (2009) и Н. В. Рыбалко (2011). А. Ю. Савосичев предлагает свой взгляд на данный вопрос. Некоторые сомнения вызывает определение «дворянства» для XVI в. В монографии дана трезвая оценка нашим познавательным возможностям: разумеется, говоря о дворянстве XVI в., мы допускаем серьезное обобщение. В терминологии XVI в. понятие «дворянство» обозначало гораздо более узкую социальную группу, нежели мы сегодня определяем этим термином. В значительной степени давний историографический спор о связи дьяков и подьячих с дворянством малоэффективен. Заметен противоречивый взгляд А. Ю. Савосичева на данный вопрос. Справедливо упрекнув Д. В. Лисейцева в том, что тот причисляет к «дворянству» конюхов и сытников, упомянутых в списке Государева двора 1573 г., он однако упускает из виду то, что дети таких государевых конюхов и сытников имели шанс (и часто им пользовались) попасть прямо в московские дворяне гораздо больший, нежели представители провинциальных служебных корпораций. Таким образом, противопоставление дьяков, связанных происхождением с такими «конюхами и сытниками» и тех, кто происходил из детей городских

---

⁹ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 451.

детей боярских получает формальный характер и вызывает новые вопросы: продуктивно ли причислять к «дворянству» архиерейских детей боярских, новгородских своеземцев. Несомненно, их местнический потенциал в XVI в. был значительно ниже, чем у рядовых служителей государя. Видимо, вопрос о соотношении друг с другом, «лестнице» разнообразных групп служилого сословия был неясен и людям XVI–XVII вв. Это и привело в XVII столетии к созданию и распространению таких памятников «Поганая книга», «Списки стрелецких голов», иные местнические памфлеты.

Еще один спорный вопрос, который рассматривает автор чрезвычайно подробно, касается брачных стратегий приказных служителей — дьяков и подьячих. Собранная и обсчитанная информация о брачных связях самих приказных и их сыновей, в первую очередь с «дворянскими» фамилиями носит, на мой взгляд, исчерпывающий характер: но только в том случае, если мы согласимся с тем, что именно служебный статус фамилии-партнера имел определяющее значение в таковой брачной стратегии (а скажем не соседский фактор). Неясно, руководствуется ли Савосичев, описывая стратегию семейного устройства детей дьяков, соображениями престижности той или иной службы, имея в виду, что эти соображения могли, скажем, в 1570-е быть одними, а в 1590-е — другими. Сомнение вызывает и еще один тезис автора — о том, что к середине XVII в. «дворянство в социальной среде, питавшей дьячество, отходит на третий план» На мой взгляд, здесь речь идет о своеобразной «инфляции» дьяческого чина, в связи с усложнением центрального и местного управления. Если «перекинуть мост» в начало следующего, XVIII столетия, то число дьяков и вырастающих из дьяков «секретарей» будет вовсе огромным. Параллельно шли изменения и в структуре «дворянства».

Все описанные книги, на мой взгляд, подходят под следующее описание:

- в них использован огромный фактический материал;
- он до какой-то степени систематизирован;
- в них дается довольно точный портрет выбранной социальной группы (вар.: «коллективный портрет»);
- они базируются на однотипных источниках Московского государства XV–XVII вв.

Книгам этим, равно как и в целом исследованиям по просопографии Московского царства не хватает одного и того же. Они не нацелены на то, чтобы стать частью сетевого проекта. Значительная часть недостатков этих книг связана именно с формой подачи материала. Особенно это заметно в тексте А. Ю. Савосичева, где (возможно здесь можно видеть влияние недавней монографии И. Б. Михайловой о служилых людях Северо-Востока,

в целом неудачной, но методически очень сходной). Несмотря на определенное развитие предложенных условно Н. П. Лихачевым и С. Б. Веселовским методов эти работы не могут считаться прорывным шагом в развитии просопографического метода.

Связано это, на мой взгляд, с отсутствием сравнительной перспективы. Ограничение исследований рамками московского материала неизбежно приводит его к замкнутости. Между тем именно раннее Новое время позволяет оперировать такими объемами источников, когда сравнительная перспектива кажется наиболее приемлемой.

Prosopographical Studies of 2000–2013 reviewed

Using prosopographical method looks much more productive in studying bright and well supplied with written sources epochs. This makes the prosopographical studies to be concentrated on Late Antiquity and Early Modern period.

The prosopographical database «Prosopography of Byzantine World» (PBW: <http://www.pbw.cch.kcl.ac.uk/>) collects information on all the persons mentioned in 642–1261. The same direction could be find also in the Balkan tradition of prosopography based on long tradition and wide bibliography. Russian Antic and Byzantine studies also find itself in this historiography circle; that is why the first exercise books in prosopography in Russian were written by researchers of Antiquity and Byzantine. Well elaboration of Anglo-Saxon prosopography is based on the well preserved source of late 11th c. — Domesday Book, that allows plentiful data on personal history of the latest period of Anglo-Saxon kingdoms (the database «Prosopography of Anglo-Saxon England» — PASE: <http://www.pase.ac.uk/index.html>).

A prosopographical study of Muscovite society of 16–17th cc. ought to be based also on the research tradition plotted in early 20th c. in the works by N. Likhatchev and S. B. Veselovskij. The reference books created by them and dedicated to secretaries and clerks, also to Muscovite boyars of 14–16th cc. had never named prosopographical studies but had been prosopographical indeed.

Since late 1980s the European historiography ideas started to influence significantly on Russian researches. The term “prosopography” previously used only by historians of Antiquity and Byzantine became to be often used by the researchers of Early Modern. Significant works — the studies of local groups of Muscovite society had appeared; the researchers started to name them “prosopographical”, using special terms (like “collective portraits”, etc.).

Also first theoretical studies in prosopography appeared in Russia (primarily studies by Yumasheva) and first results were summed up. Noticeable influence of L. Stone’s book on the theoretical studies must be mentioned. Russian translation of his definition of prosopography was and is in use in numerous

works. It is important to note that the plot of L. Stone's study was the Early Modern English nobility. Studying horizontal ties of English noblemen of 16–19th cc. L Stone created classical works in prosopography.

I would like to describe some books that more or less show the main trends of prosopographical research development.

Natalja Rybalko stands on the way of prosopographical study of Muscovite bureaucracy during the Time of Troubles. She formulated the method to be used as «the reconstruction of real events continuity through studying biographies». The Rybalko's records were the boyars' lists, rank books (*razrjadnye knigi*) and some “tithes lists” (*desyatnjas*). The personal structure of bureaucratic servicemen during the Time of Troubles is still the plot of the researcher's interest. In the article of 2007 she said that it was too hard to reconstruct the functioning of local administrative offices in early 17th c. Only «marvelously preserved acts» allow to reconstruct the administrative system. Probably that was true for the most part of Muscovite towns but the Novgorod data was the opposite example. Rybalko appreciated the Novgorod and the Smoleensk administrative offices as the two largest ones.. But that was more thanks to the preservation of the documents: the archives of the both towns were taken abroad during the Time of Troubles and now became two collections in Svenska Riksarkiv. Ideas formulated in Rybalko's articles of 2006–2008 were followed in the books by her in 2011.

In 2009 Dmitrij Lisejcev published the book named “Prikaz system of Muscovite State during the Time of Troubles”. The very important issue of the genesis of Muscovite Prikaz system was plotted in the book and some new original decisions were proposed. Generally the book could be named the prosopographical study: just the method allowed the author to make the most important conclusions on the genesis of Moscow prikazes and to show how did the system function during the Time of Troubles Lisejcev criticize Rybalko's research: he said that she had tried to “generalize something could not be generalized”. The results of her calculation was of some paradox character: there had been 6 secretaries and only 3 clerks in the Great Palace office (*Prikaz Bol'shego Dvortsa*) in late 16th century, that was impossible. I also join to this critics but would like to stress that the rigorist view of Lisejcev and his reject to identify any clerk seems also to be not productive.

Andrey Belyakov's book about service Tchingisids was published in 2011. The book received approving reviews in “Rossijskaja istoria” both by the specialists in Early Modern Tartar history and of the specialists of Early Modern Muscovy (Vladislav Nazarov, etc.). Belyakov studied some thousands biographies of noble Tartars who had served to Muscovite Czardom. Probably Belyakov's book is not of ideal structure (some reviewers had attracted attention

to that); but after reading the book the conception on the chosen social group appears to be clear.

Andrey Savosichev published his book «Secretaries and Clerks of Ivan the Terrible epoch: The origin and the social ties: The experience of prosopographical study” in Orel in 2013. The central issue of the book is the origin of secretaries and clerks of 16th c. and their ties with other groups of the society, primarily with gentlemen. The issue had been also plotted in Rybalko’s and Liseicev;s books. Savosichev propose his own view on the issue. The definition of the “gentlemen” in 16th century is very complicated issue. Savosichev gave a sober appraisal of the cognitive possibilities: while talking about the gentlemen of 16th c. Muscovy a serious generalization was always made. In the terms of 16th c. A concept of gentlemen included much more narrow group than we indicated in our days. Long ago started discussion in historiography is not productive enough.. Savisichev’s personal view on the topic looks also very discrepant. He evenly upbraided Lisejcev for reckoning czar’s grooms and cooks among gentlemen (because they had been mentioned in the Court list of 1573). In the same time Savosichev missed that the children of those grooms and cooks had rather better chance to make a good carrier at the Czar’s Court in Muscovy than the representatives of numerous local gentry. Thus the contrasting of secretaries who were the relatives of those “grooms and cooks” and those of them who originated from the local gentry look very formal and create new problems: is it perspective way to reckon Archbishop’s gentry, local small landowners (like *svozemtsy* in Novgorod) among the gentlemen or not. In any case their starting carrier position in 16th c. was much lower than the same of ordinary servants of Czar’s Court. It seems that the correlation of numerous ranks of the Muscovite society in 16th c. was not clear enough even for the contemporaries. That was followed with the appearance of various pamphlets (like *Poganjaja Kniga*) in 17th c.

The other disputable issue concerns the marriage strategies of secretaries and clerks. Collected and calculated information on the issue (about the marriages of bureaucrats and their sons with primarily “gentleman” families) seems to be exhaustive. But it could be used as an argument only if we agree that just the service state of the partner’s family was the main reason for the marriage (neither vicinity nor friendship, nor something else). It is not clear that the prestigious of the society rank was the same in 1570s and in 1590s. The last thesis of Savosichev that in the 17th c. the gentlemen lost its role as a social strata that had supplied the bureaucracy with people is also not persuasive enough. That was more a kind of inflation of the secretary rank (connected with the complication of the State’s tasks).

All the books described could be united by those common traits:

- A huge amount of data had been used;
- The data was systematized to some extent;

– The exact portrait of the social group was drawn (so called “collective portrait”).

– The books were based on the similar groups of records from 16–17th cc. Muscovite State.

All the books (like all the research in Muscovite Czardom prosopography) were lack of the same element. All the research in the sphere was not directed to be a part of a research network. The most of the drawbacks were connected with the form of data representation. In spite of the developing to some extent the research methods used by Likhatchev and Veselovskij all the books could not be named the breach of the prosopographical method.

The reason is to my mind the lack of comparative perspective. Shortage of the research by the borders of Muscovite data inevitably followed it to insularity. Meanwhile just the Early Modern time allowed the researcher to operate such records corpus that followed to comparative studies.

Михаил Бенцианов

Екатеринбург

Алексей Лобин

Государственный комплекс «Дворец Конгрессов»

Списки пленных сражения под Оршей 1514 г. как источник по организации службы в Русском государстве первой половины XVI в.

Увеличение интереса к военной истории средневековья привело к появлению в последние годы ряда исследовательских работ, посвященных вопросу численности русской армии в XV–XVI вв. В ходе дискуссии была отмечена слабость источниковой базы, заведомые искажения нарративных источников. Как следствие, остается простор для фантазии исследователей при определении «предельной численности выставляемых контингентов».

Сражение под Оршей может быть использовано для воссоздания картины организации русской армии. Первостепенное значение для реконструкции имеют списки пленных. Всего дошло 5 списков, составленных в промежутке между 1518 и 1538 гг. Отдельной группой в них фигурируют пленники битвы под Оршей 1514 г. Четкое разделение по местам пленения было характерно для ранних списков. В реестре 1538 г., где появились новые имена, это правило неоднократно нарушалось.

Сведения реестров дополняются свидетельством белорусско-литовских летописей. В большинстве летописей имена пленников были перечислены в той же последовательности, что говорит об использовании общего первоначального источника. Как видно из комментария, эта статья составлялась на основании официальных данных. Летописный «еестр» отразил наиболее ранние сведения об оршанских пленниках. Это предполо-

жение подтверждаются сведениями Кенигсбергского тайного архива. В списке пленных, переданном орденским агентом от 16 сентября 1514 г., присутствовала та же последовательность имен, с характерными ошибками в написании и транскрибировании.

Всего удается насчитать 193 имени служилых людей, пленников Оршанской битвы. Дополнительные сведения сохранились в других источниках: родословных, писцовых книгах, актовых материалах. Привлекая методы статистического анализа, приведенное число можно рассматривать в качестве своеобразной выборки участников сражения с московской стороны. Важно отметить ее случайный характер. При беспорядочном отступлении пленниками становились разные лица, начиная от главных военачальников, и, заканчивая рядовыми детьми боярскими.

Рассматриваемая выборка дает возможность определить состав русской армии. Ее изучение возможно, однако, только при соблюдении 2 основных условий: необходимо, с одной стороны, максимально точно выяснить происхождение и территориальную принадлежность фигурирующих в ней лиц и, с другой стороны, определить достоверные параметры определения численности по одной или нескольким преобладающим в общем списке группам служилых людей.

В общем итоге за исключением мещерских татар (6 человек) можно насчитать 18 территориальных групп. За исключением представителей нескольких знатных фамилий, выступавших, вероятно, в качестве воевод, среди пленников не удастся обнаружить выходцев из крупнейших групп служилых людей центра страны: Москва, Переславль-Залесский, Юрьев, Ростов, Владимир, Ярославль, Белое Озеро и Рязанское княжество. Не были задействованы в этой битве, видимо, и удельные центры с развитым вотчинным землевладением: Дмитров, Кашин, Бежецкий Верх, Углич. Трудно говорить о полноценном представительстве в битве для ряда других территориальных групп. Возможное представительство суздальцев, например, ограничивалось всего 2 именами (1,03% от выявленных пленных).

Основную ударную силу составили новгородские помещики. Среди пленников можно идентифицировать 61 имя. Вероятно, общее число подобных примеров было даже большим. Представители Северо-Запада (вместе с луцкими помещиками) дали не менее 33,2% от всех известных пленников, явно превалируя в объединенной русской армии.

Значительное число пленников принадлежало к костромской (и соседней галицкой), а также муромской корпорациям. Удастся насчитать не менее 13 имен костромских детей боярских (6,7%) и 12 возможных муромцев (6,2%). Компактной группой в Оршанской битве был представлен Волок Ламский. Участвовал в этом сражении также отряд тверских детей бояр-

ских. В меньшем объеме были представлены остальные территориальные группы, среди которых преобладали западные уезды. В первую очередь — можайские и вяземские дети боярские. Определенное число пленных были выходцами из Боровска, Серпухова, Тарусы и Алексина, а также из удельных Брянска, Калуги и Ржевы Володимеровой. Большее число лиц, возможно, дала Коломна.

Полноценное участие в битве можно отметить всего для нескольких «служилых городов»: Новгород и Великие Луки, Кострома (с Галичем), Муром, Волок Ламский, возможно, также Тверь, Можайск и Коломна. В случае с новгородской, костромской, муромской и волоцкой группами можно предполагать наличие у них собственных воевод. В Оршанской битве они были представлены как дворовыми, так и городовыми детьми боярскими, по аналогии с организацией «ратей» удельного времени.

Группы представителей других корпораций отличались разрозненностью и были представлены небольшим количеством людей. Из них невозможно было бы сформировать полноценные воинские единицы и сохранять территориальную структуру. Скорее, служилые люди из разных «городов», в том числе удельных, были искусственно объединены без учета их территориальной принадлежности.

Разнообразие западных уездов, примыкающих к Смоленску, и почти полное отсутствие представителей многочисленных территориальных групп центра страны свидетельствуют о том, что в «далний» поход были отоблагодотены имеющиеся в наличии воинские силы, без созыва характерных для крупных походов общевоинских сборов. Разрядные записи показывают, что русская армия в Оршанском походе состояла из двух основных частей: часть полков выдвигалась из Смоленска, другие — «новгородская рать» шли на соединение с ними из Великих Лук. Это объясняет численное преобладание новгородцев. Задержавшиеся в Смоленской земле и приграничных литовских районах отряды служилых людей из центральных уездов заметно поредели. Некоторые из них, вероятно, вернулись домой. Воеводам приходилось доукомплектовывать «личный состав» армии.

Рассматривая составленный список пленных как социологическую выборку состава русской армии, можно попытаться определить ее численность, привлекая данные новгородских писцовых книг, особенно писцовой книги Водской пятины. Эта писцовая книга была составлена в 1501–03 гг. и хронологически соотносится с событиями смоленской кампании 1514 г. Вместе с малолетними детьми в ней фигурировало порядка 460 имен (без учета «ивангородцев»). Анализ писцового описания 1538/39 г. показывает, что за прошедшие три десятилетия личный состав помещиков практически не изменился. Новые раздачи привели к появлению здесь не более 6–8 фа-

милий. Общее число помещиков второго десятилетия XVI в., вряд ли, превышало здесь 480 человек. Среди пленников Оршанской битвы было 13 детей боярских Водской пятины (6,7%).

В полном виде сохранилась и писцовая книга Деревской пятины конца XV в. Этот источник, однако, не отразил в своей основе массовые поместные раздачи первых лет XVI в. Достаточно сказать, что в писцовом описании 1538/39 гг. и в платежной книге 1543 г. фигурировало не менее 143 фамилий, отсутствовавших в первом писцовом описании Деревской пятины. О некоторых из них имеются прямые указания источников об испомещении в первые годы XVI в. В 1514 г. по этой пятине служило значительно больше детей боярских, чем в соседней Водской пятине, что объясняет высокое представительство «деревцев» среди пленников Оршанской битвы (31 имя). Хронологическая удаленность и неполнота писцовых книг 1538/39 г. и сложный, составной характер платежной книги 1543 г. (в значительной мере в ней фигурировали имена, относящиеся к первому десятиетию века, в том числе, среди живущих помещиков были записаны пленники Оршанской битвы) не позволяют, к сожалению, использовать их в полной мере. Тем не менее, очевидно, что во втором десятилетии XVI в. поместьями в Деревской пятине владело не менее 750 помещиков (без учета дворцовых слуг).

Если принять во внимание участие в сражении **всех** помещиков Водской и Деревской пятин (1250 детей боярских или 22,8% от выявленных пленных), то общая численность всех служилых людей — участников рассматриваемого сражения вместе с татарами и без учета «простых мужиков» в соответствии с принципом пропорции могла достигать 5500 человек. Это соотношение несколько условно и могло незначительно меняться (в меньшую сторону) при обнаружении новых имен — помещиков Водской и Деревской пятин в рассматриваемой выборке.

Приведенные данные подкрепляются общими наблюдениями над мобилизационными способностями служилых людей Северо-Запада указанного времени. С учетом отсутствия среди пленных Оршанской битвы «Бежецкой пятины» и проведенных поместных раздач в примыкающих к Новгородской земле территориях (в первую очередь, в Великолуцком и Пусторжевском уездах) предельную численность детей боярских этого региона в рассматриваемом сражении можно оценить в 2000–2300 человек.

В любом крупном походе не могли принимать участие все числившиеся в той или иной корпорации лица. С учетом единичных случаев уклонения от службы эти цифры, однако, могли отражать близкую к действительности картину. Новгородские же полки не были задействованы в предшествовавшей кампании и могли быть полноценно укомплектованы.

Предлагаемая методика, которая на данном этапе носит предположительный характер, не позволяет оценить численность всей русской армии. Проведенный анализ ее территориальной структуры позволяет убедительно говорить о значительном преувеличении масштабов этого сражения в польской и белорусской историографии. Для русской стороны это была рядовая битва, которая, повлекла за собой несоизмеримые для подобных столкновений потери, и надолго вошла в память современников и потомков.

Lists captured battles near Orsha 1514 as a source on the service organization in the Russian state of the first half of the XVI century

The increase in interest to military history of the Middle Ages led to emergence in recent years a number of the research works devoted to a question of number of the Russian army in the XV–XVI centuries. During discussion weakness the base of sources, notorious distortions of narrative sources was noted. As a result, "the limit number of the exposed contingents" still has a scope for the imagination of researchers at definition.

Battle near Orsha can be used for a reconstruction of a picture of the organization of the Russian army. For reconstruction lists of the captured have paramount value. In total reached 5 lists made in an interval between 1518 and 1538. Separate group captives of fight appear in them near Orsha 1514. Clear split in places of capture was characteristic for early lists. In the register of 1538 where there were new names, this rule was repeatedly violated.

Data of registers are supplemented with the certificate of the Belarusian-Lithuanian chronicles. In the majority of chronicles names of captives were listed in the same sequence that speaks about use of the general initial source. Apparently from the comment, this article was formed on the basis of official data. Annalistic "eestr" reflected the earliest data on orshansky captives. This assumption are confirmed by data of the Konigsberg secret archive. In the list captured, transferred the same sequence of names, with characteristic spelling errors and transcription was present the medal agent of September 16, 1514.

In total the 193 name of service people, captives of Orshansky fight manages to count. Additional data remained in other sources: genealogical, cadastre descriptions, act materials. Attracting methods of the sociological research, the given number can be considered as representative selection of participants of battle from the Moscow party. It is important to note its casual character. At chaotic retreat by captives there were different persons, beginning from the chief military leaders, and, finishing ordinary gentries.

Considered selection gives the chance to define structure of the Russian army. Its studying is possible at observance of two main conditions: it is necessary to find